

Научная статья
УДК 82-312.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_91
EDN YUJRIY

Рецепция буддизма и буддийский дискурс творческой проблематики в книгах А. А. Макушинского «У пирамиды» и «Предместья мысли. Философическая прогулка»

Леонид Викторович Дубаков

Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета
Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай
dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Аннотация. В статье анализируется специфика рецепции буддизма и особенности рассмотрения проблемы творчества в книгах А. А. Макушинского «У пирамиды» и «Предместья мысли. Философическая прогулка». В этих произведениях, которые рассматриваются в качестве литературно-философского non-fiction или литературно-философской эссеистики, и в собственно художественном творчестве писателя выявляется противопоставление пути искусства и религиозного (буддийского) пути, а также выбор пути искусства как основного. А. А. Макушинский делает выбор в пользу литературы, сознавая относительность её ценности перед абсолютной ценностью окончательного буддийского освобождения из сансарической реальности. Однако и эта относительная ценность литературы позволяет ему видеть и открывать читателю отдельные буддийские истины, дающие возможность постигать мир как он есть. Выбор пути искусства для писателя – это также выбор широкого пути, по его мнению, приводящего человека в финале духовного пути к абсолютному постижению реальности. Анализируя книги А. Макушинского и его интервью, можно зафиксировать, что он воспринимает буддизм избирательно. Писатель заимствует из буддизма методы работы с сознанием (медитации, чтение «мантр») и применяет их в творчестве, но при этом он не соглашается с отдельными положениями его философии и космологии: он отвергает концепцию буддийского имперсонализма и, с его точки зрения, как архаику – инфернальную и парадизную метафизику буддизма. А. Макушинский более эмоционально, чем аргументированно противится базовому буддийскому имперсонализму как концепции, нивелирующей индивидуальность и сложность человеческой личности, обладающей потенциалом творче-

© Дубаков Л. В., 2023

ства, равно как и остаётся писателем, отставляя в сторону узкий религиозный путь.

Ключевые слова: А. А. Макушинский; буддизм; эссе; проблематика; творчество; рецепция

Для цитирования: Дубаков Л. В. Рецепция буддизма и буддийский дискурс творческой проблематики в книгах А. А. Макушинского «У пирамиды» и «Предместья мысли. Философическая прогулка» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 91-104. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_91. <https://elibrary.ru/YUJRIY>.

Original article

**Reception of buddhism and the buddhist creative discourse in
A.A. Makushinsky's books “At the Pyramid” and “Suburbs of Thought.
Philosophical Walk”**

Leonid V. Dubakov

Candidate of philological sciences, associate professor at the faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, PRC

dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Abstract. The article analyzes the specific reception of Buddhism and the peculiarities of creativity issues in A. A. Makushinsky's books “At the Pyramid” and “Suburbs of Thought. Philosophical walk”. These works, which are regarded as literary-philosophical non-fiction or literary-philosophical essayism, and the writer's own fiction reveal the opposition between artistic and religious (Buddhist) paths, as well as the choice of the artistic path as the main one. A. A. Makushinsky makes a choice in favor of literature, aware of its relative value compared to the absolute value of the ultimate Buddhist liberation from samsaric reality. Yet even this relative value of literature enables him to see and reveal certain Buddhist truths to the reader, which make it possible to comprehend the world as it is. In his view, the choice of the writer's artistic path is also the choice of a broad path, taking the individual at the end of his spiritual journey to the ultimate comprehension of reality. Analyzing A. Makushinsky's books and interviews, the author notes that his perception of Buddhism is selective. The writer borrows from Buddhism some methods of working with the mind (meditation, recitation of “mantras”) and applies them to his work, while disagreeing with certain aspects of its philosophy and cosmology: he rejects the concept of Buddhist impersonalism and the infernal and paradisaic metaphysics of Buddhism which, from his point of view, is archaic. A. Makushinsky is more emotional than argumentative in his opposition to basic Buddhist impersonalism as a concept that levels individuality and

complexity of the human personality with creative potential, just as he remains a writer, setting aside the narrow religious path.

Keywords: A. A. Makushinsky; Buddhism; essays; problematics; creativity; reception

For citation: Dubakov L. V. Reception of buddhism and the buddhist creative discourse in A. A. Makushinsky's books "At the Pyramid" and "Suburbs of Thought. Philosophical Walk". *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):91-104. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_91. <https://elibrary.ru/YUJRIY>.

Введение

Влияние буддизма на отечественную литературу длится более двух веков. Буддийские идеи и мотивы обнаруживаются в произведениях позапрошлого и прошлого веков. В современной отечественной литературе буддизм осваивается так же активно и плодотворно, как в эпоху Серебряного века. Литературоведение, вслед за исследованиями В. Н. Топорова [Топоров, 1995], Ю. М. Лотмана [Лотман, 1982; Лотман, 1998], Н. П. Анциферова [Анциферов, 2014], где рассматривается «петербургский текст» русской литературы, осуществило перенос структурно-семиотического подхода на широкое городское и географическое поле [Богумил, 2017; Люсый, 2016; Манн, 1998; Меднис, 1999; Тюпа, 2002] и в религиозную сферу [Алексеев, 2014]. Наконец, анализу подвергся и «буддийский текст» отечественной литературы [Бекметов, 2018].

А. А. Макушинский не раз в своих книгах и интервью прямо говорил о влиянии дзэн-буддизма на его жизнь и его творчество. Самым «буддийским романом» в этом

отношении является роман «Остановленный мир» (2018) [Дубаков, 2022a]. Однако осмысление буддийских идей, буддийские образы, различные отсылки к буддизму присутствуют почти во всех его произведениях, начиная с первого романа «Макс» (опубликован в 1998 году) и поэзии [Дубаков, 2022b] и заканчивая последним на сегодняшний день романом «Один человек» (2021). О буддизме Алексей Макушинский размышляет также в своей эссеистике.

Творчество и религия в книге Алексея Макушинского «У пирамиды»: проблема выбора, экзистенциальный отказ и заимствование методов

Книга «У пирамиды» (2011), находясь «на грани творческих фантазий и публицистики, художественности и документа» [Вергелис, 2014, с. 212], содержит эссе, статьи и фрагменты. По большей части разговор в них посвящён литературе. Одна из главных проблем, которую Макушинский рассматривает сквозь буддийскую оптику, это проблема совмещения или противоположения творческого и религи-

озного пути. Так, в эссе «Любовь к относительному», говоря о принципиальной разнице между религиозным путём и путём искусства, он отмечает, что человеку однажды приходится делать сложный, «роковой» выбор: «...чего же ты хочешь – спасенья или стихов, что тебе дороже – сатори или сонет? За одно хорошее стихотворенье пожертвуешь ли вечным блаженством?» [Макушинский, 2011, с. 72]. Макушинский здесь мыслит в буддийских категориях, в качестве полюса к совершенному искусству называя сатори, то есть «состояние интуитивного просветления» [Неаполитанский, 2007, с. 705] в дзэн-буддизме, а чуть ранее в качестве примера возможного сближения искусства и религии, утверждая, что поэзия «может быть о погоде или о пагоде, о ветре, о вербе, о Неве, о – неважно о чём» [Макушинский, 2011, с. 72]. То, что в «Любви к относительному» было проблемой, гипотетическим искушением творца неким волшебником-троллем-бесом, в «Остановленном мире» нашло своё решение: автор выбирает относительное, то есть искусство. Макушинский избирает в романе путь писателя: строки О. Э. Мандельштама из «Равноденствия» он воспринимает как мантру, и они для него оказываются «всякого буддизма важней, и всякого дацана нужней» [Макушинский, 2018а, с. 74]. Выбирая между пробуждением и удавшимся стихотворением, он выбирает по-

следнее [Макушинский, 2018а, с. 205-206]; говоря о буддизме фотографа Ф. Дртикола, который отошёл от фотографирования, Макушинский замечает, что сам «хотел бы писать до последнего дня своей жизни» [Макушинский, 2018а, с. 242]. Говоря о философии Н. А. Бердяева, Макушинский характеризует религиозный путь, путь созерцания, как ведущий к покою, а путь творчества как борьбу – борьбу «с материалом – металлом, мрамором, неподатливостью русской речи» [Макушинский, 2020, с. 143].

В эссе «“Дорогой Марк...”. О Маргерит Юрсенар» из книги «У пирамиды» А. Макушинский также говорит о проблеме выбора между религиозным и литературным путём. Героиня этого эссе, по словам писателя, обучалась дзэн-буддийским и тибетским методам «медитации, концентрации внимания, освобождения от случайных, пустых, чужих мыслей, сосредоточения на своей собственной» [Макушинский, 2011, с. 176]. Это обучение она поняла по-своему, восприняв их не как методы познания, но как методы осуществления – в литературе. Одновременно Макушинский обращает внимание, что эти методы Маргерит Юрсенар реализовала и по прямому их назначению: «Мы отступаем от жизни... <...> Мы чувствуем дыхание чего-то совсем иного, буддийского Ничто, Пустоты <...> Мы затем возвращаемся» [Макушинский, 2011,

с. 177]. И по возвращении «я», стоящее между нами и миром, какое-то время отсутствует.

Алексей Макушинский часто смотрит на литературу «глазами буддизма». В эссе «Обольщающий обман» (книга «У пирамиды») он предлагает свою интерпретацию известного пушкинского стихотворения «Если жизнь тебя обманет...». Согласно его мысли, из этого стихотворения звучит «голос самой жизни, понятой как обман и иллюзия, покрывало Майи, шопенгауэровская воля. Не “возвышающий”, но – “обольщающий”» [Макушинский, 2011, с. 77]. Это обольщение состоит в ложном успокаивании человека, который якобы в будущем будет счастлив. Макушинский, напротив, говорит, что счастье можно обрести только в настоящем времени. «Погрузиться в это вечное сейчас, в *nunc stans*, в эту единственную, и божественную, реальность» [Макушинский, 2011, с. 76] можно разными способами, один из них – дзэн-буддийская медитация, так называемое «сидение», что позволяет добиться ощущения присутствия в здесь-и-сейчас, которое в свою очередь даёт возможность внимательно рассмотреть «...подробности бытия. Верные чувствилища мысли» [Балла, 2020, с. 226].

В эссе «Земные сны и небесные отсветы. Владислав Ходасевич и Филип Ларкин» (книга «У пирамиды») А. Макушинский разбирает стихотворение Ларкина «Вот те

стихи» («This Be The Verse»). Выражение «get out» заставляет его вспомнить «буддистско-шопенгауэровский «круговорот-смертей-и-рождений», из которого можно выбраться с помощью аскезы и медитации, чтобы вновь не рождаться (и значит, не умирать), выйти из игры, разорвать покрывало Майи, погрузиться в Нирвану» [Макушинский, 2011, с. 137]. При всех возможных вариантах истолкования призыва этого инвективного по характеру стихотворения вариант Макушинского оказывается, вероятно, самым высоким.

В книге «Предместья мысли. Философическая прогулка» (2020), которую Н. И. Герасимов называет большим литературно-философским эссе [Герасимов, 2020, с. 190] и которая фактически выступает в качестве «формы художественного созерцания» [Сиземская, 2010, с. 79], эпизод своей биографии, своё дзэнское переживание (пережитое Макушинским в Ленинграде, а затем на буддийском хуторе в Баварии, о чём он говорит также в «Остановленном мире») писатель сопоставляет с прустовской прозой [Макушинский, 2020, с. 110].

В эссе «Идея книги» (сборник «У пирамиды») писатель говорит о двух вариантах создания идеальной книги, приближающей человека к абсолютному. Один из них предполагает инклюзивный путь: все книги «в последнем пределе и создают (создадут) тот абсолютный, “без-

условный” текст» [Макушинский, 2011, с. 91]. Другой путь – это «отрицание всех прочих книг», потому что они «случайны и субъективны» [Макушинский, 2011, с. 90]. За всеми словами такой книги – «мистическое Ничто, буддистская Пустота» [Макушинский, 2011, с. 90]. Характеризуя французскую литературу XIX века, Макушинский вспоминает О. Э. Мандельштама в связи с подмеченной им в ней «“чужой кровью”, уклоном в буддизм, стремлением к созерцательной статике, к литературной Нирване» [Макушинский, 2011, с. 91].

**Избирательная рецепция буддизма:
отвержение философии
и космологии, принятие духовной
практики**

В эссе «“Дорогой Марк...”. О Маргерит Юрсенар» писатель говорит про свою героиню, что она училась дзэн-буддизму, «изменяя смысл урока» [Макушинский, 2011, с. 176]. Представляется, что сам Макушинский также изменил смысл урока, полученный им от буддизма. В одном из интервью Макушинский формулирует своё понимание дзэна. Дзэн для него есть учение о видении идеального мира в имеющейся реальности: «Вот здесь и сейчас – это уже в каком-то смысле рай. Всё так в своей таковости, всё уже это в своей этости и нет никакого того – другого» [Макушинский, 2019]. О том же он говорит в книге «Предместья мысли. Философическая прогулка»: «В

буддизме (во всяком буддизме, не только в дзене) тоже есть, конечно, различие между тем миром и этим, между нирваной и сансарой. Переворот наступает в тот момент, когда (в строгом смысле, еще до дзена, но уже в буддизме Махаяны, одним из вариантов которого и является дзен) нирвана и сансара парадоксальным образом приравниваются друг к другу» [Макушинский, 2020, с. 67], «Этот мир уже совершенен в своей этости, такой, каков он есть, в своей таковости. <...> Я возвращаюсь к себе; я обретаю свое «у себя»; я вижу мир в его бытийственной полноте (или небытийственной пустоте <...>)» [Макушинский, 2020, с. 68]. Дзэн уводит человека от слов и мыслей, он даёт возможность преобразования. Вновь вспоминая о Маргерит Юрсенар, Макушинский цитирует её: важна «не философия свободы <...>, но техника свободы» [Макушинский, 2020, с. 68]. Действительно, писатель берёт у буддизма более методы, нежели философию.

Эти буддийские методы применяются им в том числе в творчестве. К примеру, в эссе «“Дорогой Марк...”. О Маргерит Юрсенар» А. Макушинский пишет о том, что существовал «медитативный момент в самих методах ее писательской работы» [Макушинский, 2011, с. 177], который она позаимствовала у «восточных философов» [Макушинский, 2011, с. 177]. Он прежде всего состоит в сосредоточении внимания «на любом, пускай со-

всем ненадолго появляющемся персонаже, жесте, зрительном образе» [Макушинский, 2011, с. 180]. Она умела «Быть здесь и сейчас», как «учит нас буддизм вообще и дзен-буддизм в особенности...» [Макушинский, 2011, с. 183]. Создавая роман «Философский камень», она повторяла имя героя, подобно мантре, и это уплотняло действительность [Макушинский, 2011, с. 184]. Главные героини её произведений обладают ощущением присутствия. В финале этого эссе автор применяет методы Маргерит Юрсенар к ней самой, «задерживая и считая дыханье, отбрасывая посторонние мысли, позволяя им пройти и погаснуть, сосредотачиваясь на одном, на одной» [Макушинский, 2011, с. 193]. Таким образом, говоря о медитативном восприятии реальности в художественном мире Алексея Макушинского, можно предположить, что «методы безумия», которые использовала французская писательница в своём творчестве, активно эксплуатирует и он сам, как минимум в трёх произведениях – в романах «Макс» и «Остановленный мир», в поэтических сборниках.

Макушинский, говоря о том, что писательство и религия – это разные пути, так как в первом, в отличие от второго, есть цели и достижения или недостижения, всё же оговаривается насчёт поэзии и сходства методов: «...в самом сочинении стихов есть, наверное, что-то, что сближает это занятие с ме-

дитацией, или, скажем, с повторением мантры» [Макушинский, 2018с]. И в целом, по его мысли, «Поэзия (в широком смысле немецкой *Dichtung*; не важно, стихи или проза) казалась мне такой же противоположностью словам, как и дзенское оглушительное молчание; скорее уж она казалась мне родственной этому молчанию, вырастающей из этого молчания» [Макушинский, 2020, с. 68]. Впрочем, это проявляется и в его прозе. Так, Е. В. Абулдуллаев пишет о книге «У пирамиды»: «Ровная, вполголоса, ненавязчивая интонация» [Абулдуллаев, 2012, с. 202].

Макушинский проводит параллели также между буддизмом и философией. Так, в «Предместьях мысли. Философической прогулке» он отмечает сходство между буддийскими идеями и идеями М. Экхарта: «О том же говорит мейстер, между прочим, Экхарт, сходства которого с дзеном так охотно ищут (и конечно, находят) современные (или уже не совсем современные) сочинители соответствующих трактатов (от Рудольфа Отто до Д. Т. Судзуки). <...> надо быть совершенно пустым, окончательно пустым, бесповоротно пустым; только в пустое помещение, пустой храм, может войти Господь» [Макушинский, 2011, с. 154]. Симона Вейль «пишет об “отрешенности” (*détachement*) в противоположность всякой привязанности (*attachement*). Привязываться ни к чему нельзя (вполне по-

буддистски); а надо от всего отрешиться, оторваться, покончить со всеми пристрастиями, привязанностями, да заодно и с собою» [Макушинский, 2011, с. 158]. То, что Альбер Камю «называет идеалом абсурдного человека (сам, впрочем, сомневаясь в этом патетическом слове), я, в моей собственной молодости, называл скорее идеалом дзенского человека. В конце концов, если дзен-буддизм чему-то и учит нас, то именно этому: последовательному пребыванию в настоящем, в здесь-и-сейчас» [Макушинский, 2020, с. 187], «И слово “пробуждение”, l'éveil, не раз употребляемое им в “Сизифе”, тоже, конечно, заставляет нас насторожиться. Ведь Будда значит «пробужденный»; более ничего» [Макушинский, 2020, с. 187]. Иронически отменяя эксклюзивность христианства (которое в «Предместьях мысли» он подвергает резкой критике) или как минимум проводя параллель и выявляя схожесть методов духовной работы, писатель сравнивает томистские семинары семьи Маритенов с буддийскими ретритами. Молитвенное хождение по лабиринту Шартрского собора напоминает ему кинхины в дзэне, когда каждый шаг «делается почти неподвижным, делается дза-дзеном; ты идешь, но, в сущности, ты не идешь» [Макушинский, 2020, с. 106]. Стремление супруги Н. А. Бердяева к уединению напоминает «дзэнскую болезнь» (как он это называет): «Это наркотик, но

это наркотик ясности, наркотик присутствия в настоящем, наркотик сознания, сознания себя, наркотик сознательности» [Макушинский, 2020, с. 143].

А. А. Макушинский говорит о влиянии буддизма на своё творчество, однако его собственные взгляды на буддизм сложно назвать традиционными. Буддийская метафизика им не принимается: «...я не верю ни в какое загробное странствование души, для меня это полная архаика, здесь я рационалист, позитивист» [Макушинский, 2019], «В буддизме никакой отдельной личности нет, есть лишь иллюзия личности (от которой надо избавиться), но и Страшного суда нет, кнута адских мук, пряника райских радостей, ничего нет» [Макушинский, 2020, с. 153]. Представление о сосуществовании относительной и абсолютной реальности, имеющееся в буддизме, он отвергает как мифологическую архаику. Однако в конце книги «Предместья мысли. Философическая прогулка», фиксируя противоречие в своей установке, согласно которой он отрицает метафизику (Т. Веретенова: «В авторской позиции чувствуется противоречия (и он их, кстати, признает на последних страницах): герой не хочет сходить с позиций позитивизма, но и “дзенская болезнь” не прошла без последствий – он неизбежно замечает символы и знаки (не в состоянии игнорировать их, а по сути, и мистический план мира) и многие свои действия наполняет

ритуальной осмысленностью» [Веретенова]), Макушинский тем не менее говорит: «...моя собственная основная интуиция <...> – эта пустота, это ничто, из которого возникают вещи мира, благодаря которому и на фоне которого они обретают свою бытийственность, свою подлинность, свою силу присутствия. <...> Я сделал эту ставку очень рано, еще в ту пору, когда читал с Тихоном и без Тихона первые философские книги, когда впервые услышал о дзен-буддизме» [Макушинский, 2020, с. 210].

Также А. Макушинский стоит на позиции персонализма (у него «Многовато “я”», как иронически высказался один критик [Кудрин, 2021, с. 192]: «Кажется, что персонализм не совместим с буддизмом. Но и у буддистских авторов бывает остро поставлен вопрос о личности, и бывает сознание ценности отдельного человека. <...> Во всяком случае, антиперсоналистическая направленность, похоже – доминирующая в буддизме, мне безусловно чужда» [Макушинский, 2018b]). О своём персонализме, который фактически противоречит одному из постулатов буддийской философии – анатману (отсутствию «я» [Неаполитанский, 2007, с. 65]), в книге «Предместья мысли. Философическая прогулка» писатель говорит в разных контекстах: «Мне противна идея безличного бессмертия, в котором исчезает все неповторимо и незаменимо индивидуальное. <...> безличного бессмер-

тия, родового и роевого, или какого-нибудь космического, растворения в какой-нибудь очередной Первожизни, очередном Всеединстве, в Бытии, или в Небытии, или в Пустоте, Полноте, Творце, Твороге» [Макушинский, 2020, с. 37]. В этой фразе, наполненной иронией (ироничен и сам факт перечисления, что как бы дискредитирует перечисляемые феномены, и фонетически рождаемое слово «Творог», созвучное «Творцу» и с прописной буквы вписываемое в этот ряд), появляется слово «Пустота», прямо отсылающее к буддизму. Размышляя о христианстве, он видит в его практике стремление к «страшной» нивелировке личности и то же замечает и в буддизме: «“Я” иллюзорно, и даже не просто оно иллюзорно, но это и есть главная иллюзия, препятствующая просветлению, стоящая на пути к нирване, к сатори, вообще к искомому, как бы мы его ни назвали» [Макушинский, 2020, с. 151]. Для писателя важна активная, обладающая полнотой неограниченной воли, свободы личность, которая способна через медитацию «перейти из этого мира в тот на каждом втором углу, каждом третьем шагу» [Макушинский, 2020, с. 64], ведь «Мир есть порождение моих мыслей, говорил Будда» [Макушинский, 2020, с. 64]. Макушинский в медитации на непродолжительное время совпадает сам с собой, как герои романа «Макс», и затем каждый раз выходит из этого состояния, и мысли снова «разбе-

гаются» [Макушинский, 2020, с. 65].

При этом Макушинский оставляет для себя то ли неосмысленную, то ли недоговорённую возможность не спорить с буддизмом: «в буддизме и нет никакой личности (говоря очень и очень упрощённо; буддизм ведь тоже разный, как и христианство, как и всё на белом свете)» [Макушинский, 2020, с. 151]; «Побороть её не получается даже у буддистов, со всем их отрицанием субстанции, прочности, твердости, всем их стремлением раздробить человеческое «я» на отдельные, преходящие, иллюзорные, почти не связанные друг с другом впечатления, ощущения» [Макушинский, 2020, с. 153]. Говоря о Мейстере Экхарте, он пишет: «Никто не полн Богом, не исполнен Бога (уж не знаю, как и перевести), как только тот, кто, в сущности, уже умер (*es ist niemand Gottes voll als wer im Grunde tot ist*). А дзен-буддисты тоже любят поговорить о Великой Смерти. Умри при жизни, умри прямо сейчас – и ничего тебе не будет страшно, все будет у тебя хорошо» [Макушинский, 2020, с. 154]. Критика буддизма или несогласие с ним у Макушинского часто остаются невысказанными.

Библиографический список

1. Абдуллаев Е. В. Книжная полка Евгения Абдуллаева // Новый мир. 2012. №11. С. 202-212.
2. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Москва : Бертельсманн Медиа Москау (БММ), 2014. 400 с.
3. Балла О. А. Надорванные фантики, подробности бытия // Знамя. 2020. №5. С. 223–226.

Заключение

Итак, в книгах «У пирамиды» и «Предместья мысли. Философическая прогулка» А. А. Макушинский рассматривает путь искусства и религиозный путь, в частности в его буддийской версии, как пути противоположные. Проблему их несовместимости, к которой он возвращается в ряде своих книг на протяжении многих лет, он решает в пользу творчества. Зачастую на литературу и философию писатель смотрит через буддийскую оптику, проводя параллели между идеями, высказанными известными писателями или мыслителями, и буддийской философией. При этом в самом творчестве А. Макушинского можно найти применение в изменённом виде (иная цель, иной объект) некоторых буддийских методов, например, медитации или чтения «мантр». Буддизм Алексея Макушинского – буддизм избирательный: не касаясь нравственной проблематики буддизма, отвергая отдельные его метафизические конструкции и философские установки (антиперсонализм), писатель останавливается на его техниках работы с сознанием.

4. Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань : Школа, 2018. 328 с.
5. Богумил Т. А. «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий // Филология и человек. 2017. № 4. С. 155–164.
6. Вергелис А. П. Двадцатый век: портрет в прозе. О книге эссе Алексея Макушинского «У пирамиды» // Стороны света. 2014. №15. С. 171–175.
7. Веретеннова Т. Молчаливый мир. О романе Алексея Макушинского «Предместья мысли. Философическая прогулка» // Алексей Макушинский: прозаик, поэт, эссеист: официальный сайт писателя. URL: <http://makushinsky.com/reviewpage.php?n=49>. (Дата обращения: 20.02.2023).
8. Герасимов Н. И. Возможно ли литературное осмысление русской философии? Рецензия на книгу А. А. Макушинского «Предместья мысли. Философическая прогулка» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3(95). С. 190–195.
9. Дубаков Л. В. Дзэн-буддийские мотивы в романе А. А. Макушинского «Остановленный мир» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022а. Т. 14, № 3. С. 78-86.
10. Дубаков Л. В. «Интуиция сияющей пустоты» в романе «Макс» и поэтических сборниках «Свет за деревьями» и «Море, сегодня» А. А. Макушинского // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022b. № 6-2. С. 245-257.
11. Кудрин О. В. Увидеть Париж и осмыслить, или «Вернёмся к Бердяеву» / Предместья текста. Литкритическая прогулка по списку «Большой книги»-2020 // Урал. 2021. № 4. С. 186–204.
12. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1998. С. 14–285.
13. Лотман Ю. М. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (к вопросу средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Художественный язык средневековья / отв. ред. В. А. Карпушин. Москва : Наука, 1982. С. 236–249.
14. Любый А. П. Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 11. С. 161–171.
15. Макушинский А. А. Остановленный мир / Алексей Макушинский. Москва : Издательство «Э», 2018а. 800 с.
16. Макушинский А. А. Предместья мысли. Философическая прогулка. Москва : Эксмо, 2020. 320 с.
17. Макушинский А. А. «Проблемы “самоидентификации” для меня не существует». Интервью для сайта Литературно-художественного журнала «ЭТАЖИ», 14.02.2018b // Алексей Макушинский: прозаик, поэт, эссеист: официальный сайт писателя. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=22>. (Дата обращения: 20.02.2023).
18. Макушинский А. А. «Путь дзена и путь писательства – совсем разные». Интервью для электронного литературного журнала «Литература». №112. Февраль 2018с // Алексей Макушинский: прозаик, поэт, эссеист: официальный сайт

писателя. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=24>. (Дата обращения: 20.02.2023).

19. Макушинский А. А. У пирамиды. Эссе. Статьи. Фрагменты. Москва : Новый хронограф, 2011. 384 с.

20. Макушинский А. А. «Чем больше я занимаюсь религиозными философами, тем более убежденным атеистом я делаюсь». Интервью для сайта «Book24.ru», 12 апреля 2019 года // Алексей Макушинский: прозаик, поэт, эссеист: официальный сайт писателя. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=31>. (Дата обращения: 20.02.2023).

21. Манн Ю. В. Москва в творческом сознании Гоголя: штрихи к теме // Манн Ю. В. Москва и «московский текст» русской культуры / отв. ред. Г. С. Кнабе. Москва : РГГУ, 1998. С. 63–81.

22. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : НГУ, 1999. 392 с.

23. Неаполитанский С. М. Энциклопедия буддизма / С. М. Неаполитанский, С. А. Матвеев. Санкт-Петербург : Институт метафизики, 2007. 928 с.

24. Сиземская И. Н. О внутреннем согласии русской философии и литературы // Философия и культура. 2010. № 5(29). С. 79–85.

25. Торчинов Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций. Санкт-Петербург : Акад. проект, 2000. 334 с.

26. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Reference list

1. Abdullaev E. V. Knizhnaja polka Evgenija Abdullaeva = Yevgeny Abdullayev's bookshelf // Novyj mir. 2012. №11. S. 202-212.

2. Anciferov N. P. Dusha Peterburga. = The Soul of Petersburg. Moskva : Bertel'smann Media Moskau (BMM), 2014. 400 s.

3. Balla O. A. Nadorvannye fantiki, podrobnosti bytija = Torn wrappers, details of existence // Znamja. 2020. №5. S. 223–226.

4. Bekmetov R. F. Russkaja literatura i buddijsko-daosskij Vostok (problemy dialoga). = Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue). Kazan' : Shkola, 2018. 328 s.

5. Bogumil T. A. «Altajskij tekst» i literatura Altaja: k opredeleniju ponjatij = “Altai text” and Altai literature: toward the definition of concepts // Filologija i chelovek. 2017. № 4. S. 155–164.

6. Vergelis A. P. Dvadcatyj vek: portret v proze. O knige jesse Alekseja Makushinskogo «U piramidy» = The twentieth century: a portrait in prose. On Alexei Makushinsky's book of essays “At the Pyramid” // Storony sveta. 2014. №15. S. 171–175.

7. Veretenova T. Molchalivij mir. O romane Alekseja Makushinskogo «Predmest'ja mysli. Filosoficheskaja progulka» = The silent world. On Alexei Makushinsky's novel “Suburbs of Thought. Philosophical Walk” // Aleksej Makushinskij: prozaik, pojet, jesseist: oficial'nyj sajt pisatelja. URL: <http://makushinsky.com/reviewpage.php?n=49>. (Data obrashhenija: 20.02.2023).

8. Gerasimov N. I. Vozmozhno li literaturnoe osmyslenie russkoj filosofii? Recenzija na knigu A. A. Makushinskogo «Predmest'ja mysli. Filosoficheskaja progulka» = Is

it possible to make literary sense of Russian philosophy? Review of A. A. Makushinsky's book "Suburbs of Thought. A Philosophical Walk" // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2020. № 3(95). S. 190–195.

9. Dubakov L. V. Dzen-buddijskie motivy v romane A. A. Makushinskogo «Ostanovlennyj mir» = Zen-Buddhist motifs in A. A. Makushinsky's novel "The Stopped World" // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2022a. T. 14, № 3. S. 78-86.

10. Dubakov, L. V. «Intuicija sijajushhej pustoty» v romane «Maks» i pojeticheskikh sbornikah «Svet za derev'jami» i «More, segodnja» A. A. Makushinskogo = "The intuition of the radiant void" in A. A. Makushinsky's novel "Max" and the poetry collections "Light Behind the Trees" and "Sea, Today" // Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2022b. № 6-2. S. 245-257.

11. Kudrin O. V. Uvidet' Parizh i osmyslit', ili «Vernjomsja k Berdjaevu» / Predmest'ja teksta. Litkriticheskaja progulka po spisku «Bol'shoj knigi»-2020 = To see Paris and understand, or "Back to Berdyaev" / Suburbs of text. A literary-critical walk through the "Big Book"-2020 list // Ural. 2021. № 4. S. 186–204.

12. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of a literary text // Lotman Ju. M. Ob iskusstve. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPB, 1998. S. 14–285.

13. Lotman Ju. M. Otvuki koncepcii «Moskva – tretij Rim» v ideologii Petra Pervogo (k voprosu srednevekovoj tradicii v kul'ture barokko) = Echoes of the "Moscow is the third Rome" concept in the ideology of Peter the Great (on medieval tradition in Baroque culture) // Lotman Ju. M., Uspenskij B. A. Hudozhestvennyj jazyk srednevekov'ja / otv. red. V. A. Karpushin. Moskva : Nauka, 1982. S. 236–249.

14. Ljusyj A. P. Krymskij tekst ruskoj literatury: istorija i sovremennost' = Crimean text of Russian literature: history and modernity // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2016. № 11. S. 161–171.

15. Makushinskij A. A. Ostanovlennyj mir = The stopped world / Aleksej Makushinskij. Moskva : Izdatel'stvo «Je», 2018a. 800 s.

16. Makushinskij A. A. Predmest'ja mysli. Filosoficheskaja progulka. = Suburbs of Thought. A Philosophical Walk. Moskva : Jeksmo, 2020. 320 s.

17. Makushinskij A. A. «Problemy "samoidentifikacii" dlja menja ne sushhestvuet». Interv'ju dlja sajta Literaturno-hudozhestvennogo zhurnala «JeTAZH», 14.02.2018b = "A 'self-identity' problem doesn't exist for me". Interview for the website of the FLOORS literary magazine, 14.02.2018b // Aleksej Makushinskij: prozaik, pojet, jesseist: oficial'nyj sajt pisatelja. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=22>. (Data obrashhenija: 20.02.2023).

18. Makushinskij A. A. «Put' dzena i put' pisatel'stva – sovsem raznye». Interv'ju dlja jelektronnogo literaturnogo zhurnala «Literatura». №112. Fevral' 2018c = "The path of Zen and the path of writing are quite different". Interview for the electronic literary magazine Literatura. №112. February 2018c // Aleksej Makushinskij: prozaik, pojet, jesseist: oficial'nyj sajt pisatelja. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=24>. (Data obrashhenija: 20.02.2023).

19. Makushinskij A. A. U piramidy. Jesse. Stat'i. Fragmenty = At the Pyramid. Essays. Articles. Excerpts/ Makushinskij A. A. Moskva : Novyj hronograf, 2011. 384 s.

20. Makushinskij A. A. «Chem bol'she ja zanimajus' religioznymi filosofami, tem bolee ubezhdenym ateistom ja delajus'». Interv'ju dlja sajta «Book24.ru», 12 aprlja 2019 goda = "The more I study religious philosophers, the more convinced atheists I become." Interview for the Book24.ru website, April 12, 2019 // Aleksej Makushinskij: prozaik, pojet, jesseist: oficial'nyj sajt pisatelja. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=31>. (Data obrashhenija: 20.02.2023).

21. Mann Ju. V. Moskva v tvorcheskom soznanii Gogolja: shtrihi k teme // Mann Ju. V. Moskva i «moskovskij tekst» russkoj kul'tury = Moscow in Gogol's creative mind: touches on the subject // Mann Yu. V. Moscow and the "Moscow text" of Russian culture / otv. red. G. S. Knabe. Moskva : RGGU, 1998. S. 63–81.

22. Mednis N. E. Venecija v russkoj literature = Venice in Russian literature. Novosibirsk : NGU, 1999. 392 s.

23. Neapolitanskij S. M. Jenciklopedija buddizma = Encyclopedia of Buddhism / S. M. Neapolitanskij, S. A. Matveev. Sankt-Peterburg : Institut metafiziki, 2007. 928 s.

24. Sizemskaja I. N. O vnutrennem soglasii russkoj filosofii i literatury = On the inner harmony of Russian philosophy and literature // Filosofija i kul'tura. 2010. № 5(29). S. 79–85.

25. Torchinov E. A. Vvedenie v buddologiju. Kurs lekcij = Introduction to Buddhology. A course of lectures. Sankt-Peterburg : Akad. proekt, 2000. 334 s.

26. Tjupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury = The mythologeme of Siberia: on the "Siberian text" of Russian literature // Sibirskij filologičeskij zhurnal. 2002. № 1. S. 27–35.

Статья поступила в редакцию 14.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 14.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023